

VIII-е Шлангенбадские беседы

„Российско-германские отношения еще никогда не были так хороши“ Следует ли ожидать перемен?

Шлангенбад, 28-30 апреля 2005 года

Организаторы:

**Фонд имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва
Франкфуртский институт исследований проблем мира и конфликтов,
Франкфурт-на-Майне**

в сотрудничестве с

**Фондом имени Конрада Аденауэра в Российской Федерации, Москва
Фондом «Единство во имя России», Москва**

Протокол: **Керстин Циммер
Виктория Борисова**

В центре внимания нынешних Шлангенбадских бесед находились противоречия, которые в настоящее время накладывают отпечаток на отношения между Россией и Германией – противоречия, которые отразились и в заголовке нынешних бесед. Несмотря на отдельные позитивные высказывания федерального канцлера Герхарда Шрёдера о российско-германских отношениях в целом и о президенте Путине в частности, в Германии усиливается критика в адрес России. Наряду с внутриполитическими тенденциями в России критике подвергаются такие аспекты, как Чечня, дело «ЮКОСа» и отношение России к соседним государствам. В то же время на Западе имеет место конфликт между реалистичной, учитывающей собственные интересы политикой правительств и идеалистической риторикой, свидетельствующей об отсутствии общих демократических ценностей. Но противоречия здесь на самом деле нет. Концепция «демократического мира», например, которую Джордж У. Буш во время своего второго президентства – по крайней мере, риторически – поставил во главу угла внешней политики США, основана на тесной взаимосвязи между (реалистическими) интересами и (идеалистическими) ценностями.

Бросается также в глаза, что растущая критика Запада повлияла и на заявления российского руководства – например, на выступление Путина перед Федеральным собранием в апреле 2005 года, в котором он уделил много внимания теме демократии в России, демонстративно высказавшись в пользу демократического порядка и либеральной экономической политики. Его политическая практика, однако, вряд ли соответствует этим заявлениям, в связи с чем возникают вопросы относительно его искренности или же способности успешно проводить в жизнь свою линию.

Участники нынешних Шлангенбадских бесед рассмотрели противоречия, имеющиеся в важных сферах политики и с российской, и с западной стороны. Они отталкивались при этом от самых важных конфликтов и дебатов 2004 года, которые, с одной стороны, подчеркнули необходимость дальнейшего партнерства Запада с Россией, а с другой – привели к явному кризису. Это касается, в частности, отношений с теми странами, в первую очередь с Украиной, которые сейчас находятся между расширенным Европейским Союзом и Россией. ЕС должен найти ответ на вопрос о том, какую политику соседства он должен проводить в будущем, после того как его официальная «новая» концепция соседства не нашла достаточного отклика. Россия столкнулась с возможностью «эффекта домино» в сфере ее влияния, и вопрос для нее состоит в том, может ли

концепция «либеральной империи», озвученная Анатолием Чубайсом, стать альтернативой этому процессу. Ответы на оба этих вопроса, несмотря на все соперничество, стороны могут найти только сообща.

Еще две внешнеполитических темы были связаны с теми вызовами в области политики безопасности, в которых весьма своеобразно переплелись элементы сотрудничества и конфронтации – как между Россией и Западом, так и в рамках Запада. Речь идет, с одной стороны, о распространении оружия массового уничтожения: первые места в рейтинге ядерных угроз попеременно и с разными акцентами занимают Иран и Северная Корея. С другой стороны, речь идет о совместной борьбе с терроризмом, после того как Россия, пережив в сентябре 2004 года серию терактов, своего рода российское «11 сентября», сочла, что Запад соразмерно не отреагировал на эти события. В связи с делом «ЮКОСа» речь шла, наконец, о том, как жесткие и в юридическом плане сомнительные действия государства могут повлиять на привлекательность России как объекта инвестиций и экономического партнера, а также на ее имидж надежного поставщика энергоресурсов.

Шлангенбадские беседы 2005 года, как и прежде, открывались и завершались торжественным ужином. На ужине в честь открытия встречи выступил бывший федеральный министр обороны **РУДОЛЬФ ШАРПИНГ**. Отправной точкой своего выступления он избрал вопрос о том, характерен ли для российско-германских отношений общий взгляд на глобальные проблемы. В объективном плане проблемы, с которыми сталкиваются обе страны, схожи. Господин **ШАРПИНГ** указал, в частности, на мировые демографические тенденции, растущий спрос на энергоресурсы и воду, изменения климата, а также на необходимость межкультурного и межконфессионального диалога, поскольку религиозный фанатизм, бедность и «этническая ненависть» являются главной питательной средой для терроризма. Что касается распространения оружия массового поражения, то здесь также возникает вопрос о том, существует ли заинтересованность в совместной политике в отношении Ирана и Северной Кореи.

Говоря о России, господин **ШАРПИНГ** подчеркнул, что с точки зрения Запада существует потенциальный конфликт между заинтересованностью в стабильном развитии и вопросами правового государства и прав человека. Исходя из малого исторического опыта России в сфере демократии, ожидания Европы сильно преувеличены. Поэтому **ШАРПИНГ** предложил различать темпы и направление преобразований в России. Это относится и к войне в Чечне. Российская Федерация имеет право на защиту своей территориальной целостности. Но методы, которые она применяет, неприемлемы, поскольку при этом постоянно нарушаются права человека и принципы правового государства. **ШАРПИНГ** подчеркнул, что за первый тезис его критиковали на Западе, а за второй – в России.

Существенную роль в последующей дискуссии играла еще одна тема: будущее Евросоюза и его противоречивая роль в Восточной Европе. **ШАРПИНГ** выразил скепсис в отношении дальнейшего расширения ЕС, высказавшись в пользу его углубления и консолидации. Это относится и к Украине – вопрос, который в ходе дискуссии затронули **СЕРГЕЙ КОРТУНОВ**, **ПЕТЕР В. ШУЛЬЦЕ**, **ХАЙНЦ**

ТИММЕРМАНН и **ВЕРА ЛЕНГСФЕЛЬД**. При этом г-жа **ЛЕНГСФЕЛЬД** отметила со стороны ЕС страх и рецидивы протекционизма, предложив подумать над тем, что, может быть, было бы лучше ограничиться зоной свободной торговли и не стремиться к созданию европейского сверхгосударства. В этих условиях расширение уже не будет вызывать страха и станет возможным даже вступление в такой союз России, если она примет на себя обязательство соблюдать общие принципы. В этой связи г-н **ШАРПИНГ** заметил, что в европейской социал-демократии существуют разные подходы к этому вопросу. С одной стороны, высказывается мнение, что для успешной демократизации странам Восточной Европы необходима перспектива членства в ЕС. Он, однако, такой необходимости не видит. Чтобы справиться со своей международной ответственностью, Евросоюз должен пройти фазу консолидации. Это касается и перспективы вступления Турции в ЕС. НАТО использует гораздо более тонкий, чем ЕС, подход к этим вопросам, чтобы перекинуть мостик между фазами нечленства и членства.

Фаза консолидации ЕС необходима также, поскольку непринятие Конституционного договора в нескольких странах-членах – эту тему затронул **ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ** – свидетельствует о растущем отчуждении между политическим руководством и населением этих стран. **ШАРПИНГ** предложил такие меры, как дальнейшая демократизация, усиление парламента и более эффективное представительство граждан. При этом необходимо, однако, принять во внимание, что ни одно государство не хочет отдавать свой суверенитет в таких областях, как внешняя политика и политика безопасности, хотя **ШАРПИНГ** не видит в этом ренационализации определенных сфер политики, о которой говорил **ХАННЕС АДОМАЙТ**.

На обеде в первый день встречи участников Шлангенбадских бесед приветствовал также министр земли Гессен по делам федерации и ЕС **ЙОХЕН РИБЕЛЬ**. Он указал, в частности, на давние и тесные связи между землей Гессен и Россией. В эпоху Екатерины Великой много немцев переселилось на Волгу – значительная часть переселенцев была родом из Гессена, Курпфальца и Бадена. Важную роль Гессен играет также в русской литературе – достаточно вспомнить о романе Достоевского *«Идиот»*, действие которого происходит в Висбадене и Париже. В Дармштадте находится знаменитая Русская часовня, в Висбадене и Бад-Наухайме есть русские православные церкви, являющиеся вехами нашей общей истории. Кроме того, русские цари неоднократно женились на принцессах гессен-дармштадтских. Очень активными были также до последнего времени научные связи между гессенскими и российскими исследовательскими учреждениями. У всех гессенских университетов есть университеты-партнеры в России, такие связи существуют, например, между Марбургским университетом имени ландграфа Филиппа и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова. С 1991 года земля Гессен имеет партнерские отношения с Ярославской областью, основная цель которых состоит в налаживании непосредственных отношений между людьми.

Йохен Рибель

Что касается нынешних российско-германских отношений, то г-н **РИБЕЛЬ** подчеркнул, что по сравнению с эпохой «холодной войны», когда с обеих сторон преобладали стереотипы и предубеждения, ситуация теперь совершенно иная. Приглашение канцлера Шрёдера в Москву на торжества в связи с годовщиной окончания второй мировой войны стало исторической вехой. Германия помнит позитивную роль России и Горбачева в воссоединении страны. Бывший федеральный президент Германии Роман Херцог сказал, подчеркнул Рибель, что альтернативы российско-германскому партнерству нет. Ни одна из мировых проблем сегодня не может быть решена без участия России. Безопасность и благополучие Европы также немыслимы без России, поэтому, считает **ЙОХЕН РИБЕЛЬ**, необходимо стремиться к более тесному сотрудничеству.

Выступив с короткой репликой, генеральный консул Российской Федерации в Бонне **ГЕОРГИЙ ГЕРОДЕС** также отметил принципиальные перемены в российско-германских отношениях, высказав удовлетворение уровнем, которого они достигли. Он указал на роль той части населения Германии, которая переселилась из России и численность которой сейчас составляет около 2,5 миллионов. При этом возникает, правда, вопрос о том, уехали ли бы они, если бы ситуация в России была лучше.

«Либеральная империя» или «новое соседство»: «промежуточная Европа» - яблоко раздора?

После расширения Европейского Союза на восток «промежуточная Европа» между ЕС и Россией сократилась до нескольких государств, возникших после распада Советского Союза. Что касается демократических перемен, произошедших в последнее время на пространстве СНГ – прежде всего в Украине, то с обеих сторон они оцениваются неоднозначно. В официальных заявлениях в России – например, в речи Путина перед Федеральным Собранием – признается право государств СНГ на самоопределение, в то же время в них явно просматривается претензия на «цивилизующую» роль России и на «синхронизацию» темпов реформ в разных странах СНГ. В отношении Белоруссии столь благородная цель, может быть, и актуальна, но подобное отношение к Украине вызывает немало вопросов. Позиция Европейского Союза в отношении Украины также довольно противоречива. С одной стороны, был

разработан план взаимодействия ЕС и Украины, который предусматривает введение в этой стране «*acquis communautaire*» и подчеркивает особую заинтересованность ЕС в Украине. С другой стороны, в обозримой перспективе нет шансов на вступление Украины в ЕС, которое могло бы стать материальным фундаментом для «особых отношений».

Основная дискуссия в рамках первой панели развернулась вокруг двух спорных тем: во-первых, привлекательность России для соседних государств в качестве примера и партнера и, во-вторых, незрелость стратегий России и ЕС во взаимоотношениях с «промежуточной Европой». Уже в пяти вводных комментариях в этой связи были высказаны совершенно разные оценки.

УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ подчеркнул в своем введении потенциальную привлекательность России для соседних государств, которая, однако, в силу различных причин недостаточно проявляется. Если Путин в своей речи 25 апреля 2005 года называет распад Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой XX века», то в соседних государствах эту оценку, безусловно, не разделяют. Россия должна постараться сбросить исторический балласт, заключив, например, пограничные договоры с Латвией и Эстонией, которые были заморожены, хотя по их содержанию разногласий нет. Что касается Грузии, то предложенный президентом России план, являющийся шагом к договоренности о выводе двух оставшихся российских военных баз, следует оценить позитивно. Обе нерешенные задачи до сих пор приносили России больше вреда, чем пользы, считает Бранденбург. При этом страна может конструктивно использовать свою притягательную силу. Россия привлекательна в экономическом плане, во многих областях она продвинулась дальше в осуществлении реформ, чем соседние государства, она открывает большие возможности для многообразных культурных контактов. Русские меньшинства в соседних государствах также могли бы играть позитивную роль, если их не превращать в инструмент политики. Цель построения «свободного общества свободных граждан» могла бы оказать благотворное воздействие на соседей России. В этом смысле белорусская оппозиция также надеется на помощь России.

Хотя концепция взаимоотношений расширенного ЕС с соседями, включающая в себя планы действий, достаточно основательна, она не отвечает ожиданиям различных партнеров. Если говорить с определенной долей цинизма, то у ЕС было бы, наверное, одной проблемой меньше, если бы в ходе президентских выборов в Украине победил Виктор Янукович. Дело в том, что за большими ожиданиями, которые сейчас обращены в сторону Евросоюза, неизбежно последуют разочарования.

Как исторически сложившаяся интеграция в рамках бывшего СССР может сочетаться с открытостью этих стран по отношению к Западу? По мнению **БРАНДЕНБУРГА**, ключевую роль здесь должно сыграть сближение ЕС и России, которое позволит сделать это предметом дискуссий. ЕС и Россия должны также сотрудничать, чтобы урегулировать региональные конфликты на территории

бывшего Советского Союза. Может быть, в краткосрочной перспективе Россия заинтересована в продолжении некоторых конфликтов, но в долгосрочном плане устранение «черных дыр» отвечает общим интересам. В этом смысле также сохраняет свою актуальность задача построения «общего европейского дома» - тема, которая вновь была поднята в рамках первой панели.

Отправной точкой выступления **ВЯЧЕСЛАВА НИКОНОВА** были интересы России во взаимоотношениях со своими – далеко не новыми – соседями. Россия заинтересована в стабильности границ, в дружественных правительствах, в свободной торговле, доступе к рынкам и экономическом сотрудничестве, в свободе передвижения для российских граждан и в положении русских меньшинств в этих государствах. В этом плане нынешняя ситуация явно неудовлетворительна, что нельзя поставить в вину российской стороне. Россия и СНГ – это единый экономический организм, который и после распада СССР частично сохранился. Здесь вмешательство ЕС привело бы к новым проблемам, если учесть тот факт, что экономические отношения России со странами Центральной Европы после расширения ЕС ухудшились.

Что касается поддержки демократии, то **НИКОНОВ** отметил недифференцированность подхода к Белоруссии и Молдавии. Украина в будущем также будет более либеральной страной, чем она была при президенте Кучме. Но остается множество открытых вопросов – в частности, вопрос обращения с политическими противниками и вопрос ренационализации предприятий. Ситуацию в Грузии и Киргизии он оценил как намного более проблемную. В отношении «замороженных» конфликтов в СНГ он констатировал, что в ЕС существует тенденция защищать права государств, но не права живущих там людей. В Косово, например, они никак не гарантированы.

ВЛАДИМИР РЫЖКОВ не только раскритиковал концепции «либеральной империи» и «нового соседства», но и высказал несогласие по многим пунктам с двумя предыдущими ораторами. Большинство проблем во взаимоотношениях с соседями России, на которые указал г-н **НИКОНОВ**, возникло по ее собственной вине: Россия не только утратила ведущую роль в регионе, но и – в отличие от ЕС – перестала быть привлекательной для соседних с ней государств. Это касается политических, моральных, экономических и интеллектуальных аспектов. Экономический рост замедлился, структура экономики ухудшилась, поскольку Россия во все большей мере зависит от экспорта сырья. Приоритетные отрасли российской экономики – это, по мнению **РЫЖКОВА**, военно-промышленный комплекс, сырьевой сектор и естественные монополии, которые особых перспектив не имеют. Надо учесть и такие аспекты, как бегство капитала, снижение объема инвестиций и социальные проблемы. Во внутриполитической сфере в России сформировался классический авторитарный режим. Во внешней политике имеется тенденция к замораживанию конфликтов. Это обеспечивает временную стабильность, но прогресса не приносит, считает **ВЛАДИМИР РЫЖКОВ**.

Владимир Рыжков

национальных государств. К тому же необходимы демократизация и либерализация в самой России.

В своей не раз упоминавшейся речи перед Федеральным Собранием Путин обошел вниманием целый ряд насущных проблем, отметил **РЫЖКОВ**. Он не упомянул, например, ни Беслана, ни «ЮКОСа», ни Украины. Российское руководство не дало ответов на вызовы терроризма и демократических революций. Последней надеждой России остались Белоруссия и Лукашенко. В этой связи хотелось бы, правда, спросить, что по этому поводу думает белорусское население. **РЫЖКОВ** потребовал от российского правительства выработки новой стратегии для пространства бывшего СССР. Он считает, что важно признать эти государства в качестве самостоятельных

ЭРИХ Г. ФРИТЦ и **ГЕРТ ВАЙСКИРХЕН** выразили удивление в связи с тем, что в России сейчас наблюдается ностальгия по советским временам. **ФРИТЦ** считает, что это не может служить хорошей основой для выдвижения новых политических идей и сотрудничества России с государствами СНГ или новыми членами ЕС. Такие националистические, обращенные в прошлое настроения затрудняют формирование делового и конструктивного стиля сотрудничества. Прежде всего для тех людей в России, которые мыслят категориями сфер влияния, не желая от них отказаться, СНГ является более чем воспоминанием о Советском Союзе. Так возникают сценарии угроз вроде того, что был пущен в ход в связи с недавними событиями в Украине. Суть проблемы состоит, однако, в том, что у России нет концепции выстраивания равноправного сотрудничества с соседними государствами.

ВАЙСКИРХЕН обратил внимание на внутривнутриполитические последствия. Выступление Путина показало, что под «ценностями» подразумеваются, прежде всего, традиционные российские ценности и в меньшей мере те, что необходимы для проведения реформ и европеизации страны. В то же время такие ценности как демократия и гражданское общество подвергаются огосударствлению, поскольку российский президент на все проблемы отвечает учреждением новых государственных структур. Но демократия не может возникнуть до тех пор, пока не будет убрана «тормозная колодка государства». Государство, конечно, необходимо, но оно не заменяет гражданского общества. Его экспансия душит творческие силы народа и вызывает приватизационные тенденции, которые, в свою очередь, могут превратиться в новую угрозу для государства. Все это не укрепляет государство, а подрывает его авторитет и легитимацию. В этой связи **ВАЙСКИРХЕН** указал на потенциал обучения, имеющийся в Украине, и спросил,

как это воспринимается в России – только ли как угроза или же в то же время как шанс.

Термин «промежуточная Европа» г-н **ВАЙСКИРХЕН** считает неуместным, поскольку он отражает геостратегическое мышление, не учитывая процессный

Герт Вайскирхен и Вячеслав Никонов

характер и открытость событий. Что касается отношения ЕС к этому региону, то возникает вопрос: что произойдет, если Украина внедрит у себя «*acquis communautaire*»? Тогда для нее уже нельзя будет исключать перспективы членства в ЕС, как и для любой другой страны Европы. Во всяком случае, это окажет сильное влияние на Россию.

Последовавшая затем интенсивная дискуссия касалась прежде всего проблематики обоюдного восприятия и вопроса о том, кем являются по отношению друг к другу ЕС и Россия – геостратегическими партнерами или конкурентами, и какие условия должны быть выполнены, чтобы обе стороны пришли к сотрудничеству в регионе. **СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ** в этом плане настроен скептически. Уход России с пространства бывшего СССР, по его мнению, не явился неожиданностью, но при этом возникает вопрос: соседние государства сами выходят из сферы влияния России или же их оттуда выводят другие? В России разочарованы политикой ЕС не только поэтому. Не были достигнуты важные договоренности – за исключением соглашения по Калининграду, хотя в России недовольны визовым режимом. Документы ЕС по четырем пространствам сотрудничества либо бессодержательны, либо полны мин. Вакуум, возникший в «промежуточной Европе», заполнился жесткой конкуренцией; об общей стратегии ЕС и России не может быть и речи. Поэтому российская сторона должна четко для себя уяснить, чего она ожидает от Евросоюза, этому, правда, мешает то обстоятельство, что в России недостаточно специалистов по ЕС. Как следует себя вести – как США, или же надо стремиться к поэтапной интеграции с ЕС? Это не в последнюю очередь зависит от будущего устройства Европы, поскольку Россия до сих пор ориентируется на Европу Аденауэра и де Голля, которой сейчас уже не существует.

ВЛАДИМИР ЛУКИН в целом согласился с оценками **КАРАГАНОВА**, упрекнув ЕС в применении разных стандартов в отношении разных стран. Другие участники дискуссии отметили наличие проблем скорее с российской стороны. Разные оценки были, в частности, высказаны об интеграции в рамках СНГ. **АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ** считает, например, что сейчас только Белоруссия сильно зависима от России. Экономическая зависимость Украины сильно сократилась. Существует даже сильная конкуренция с украинскими производителями на рынках Юго-Восточной Азии. На его взгляд, крушение постсоветской модели развития в этих

странах обусловлено в первую очередь отчуждением между правительством и населением. При этом смена недемократических режимов в соседних государствах полезна для собственного демократического развития России, что подчеркнул также **ВЛАДИМИР РЫЖКОВ**. И это только начало процесса, которым Россия по причине отсутствия средств управлять не может. ЕС также проявляет мало интереса к этому процессу – г-н **ТИММЕРМАНН** считает это доказательством того, что страх России перед «окружением» не может объясняться действиями ЕС в отношении новых претендентов на членство в Евросоюзе, поскольку он ведет себя весьма сдержанно.

Владимир Лукин

Оценки политики Европейского Союза были также неоднозначными. **КЛАУС-ДИТЕР БЕРГНЕР** указал на привлекательность ЕС, объяснив ее такими факторами, как хорошо работающая бюрократия, свободные СМИ, открытость дискуссий, создание пространства благосостояния и безопасности. Германия, Великобритания и Франция сумели, по его мнению, предоставить малым государствам достаточно пространства для самостоятельности. **ВИЛЬГЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ** был в этом плане настроен более скептически. Он отметил, что вне ЕС – в частности, в «третьем мире» - его воспринимают как эгоистичный торговый блок. Поэтому СНГ как содружество с

зоной свободной торговли и демократической политической системой вполне может стать моделью, альтернативной Евросоюзу.

Что касается Германии, то в ходе дискуссии возник вопрос о том, не наблюдается ли там растущая тенденция к билатерализации с ориентацией на национальные государства и геостратегию и, тем самым, отход от общей внешней политики ЕС. **ГУНТЕР ХЕЛЬМАНН** назвал эти тенденции явным отходом от западногерманских традиций, который заставляет задуматься о том, какие преимущества он может принести. Г-н **БРАНДЕНБУРГ** на это возразил, что в Германии – в том числе из-за российских переселенцев – заинтересованность в сотрудничестве с Россией более выражена, чем в других странах ЕС, что закономерно. В то же время **АЛЕКСАНДР РАР** отметил, что у немецкой внешнеполитической элиты снижается интерес к постсоветскому пространству. Этот факт вряд ли можно истолковать как результат конкуренции с ЕС. Но в настоящее время ЕС не в состоянии предложить внятную внешнюю политику, поскольку государства-члены ЕС не видят смысла в том, чтобы отказаться от собственной внешней политики. При этом Германия не готова взять на себя разрешение конфликтов на пространстве СНГ; возможно только ее участие в многосторонних усилиях.

Иран и Северная Корея: Условия сотрудничества в рамках политики нераспространения

Угроза распространения ядерного оружия усиливается, одновременно растет и вероятность его применения. Чем больше государств будут обладать ядерным оружием, тем больше возможностей будет и у негосударственных игроков завладеть ядерными материалами или оружием. Таким образом, Россия, ЕС и США сталкиваются с общими вызовами, у них имеются общие жизненные интересы, которые, однако, до сих пор лишь в недостаточной мере обусловили совместные действия. Наиболее ярко это проявилось в их политике по отношению к Северной Корее и Ирану, которая в начале дискуссии была детально освещена с немецкой и российской стороны.

ХАРАЛЬД МЮЛЛЕР начал свое выступление с тезисов о том, в чем российские и германские интересы схожи и в чем различны. Будучи членами Договора о нераспространении ядерного оружия, обе страны в принципе заинтересованы в стабильности режима нераспространения; но здесь имеются также определенные ограничения. Растущее число государств, обладающих ядерным оружием, ослабляет позиции России как ядерной державы. Германия как государство, свободное от ядерного оружия, хочет сократить дистанцию по отношению к ядерным государствам, поэтому она заинтересована в сокращении арсенала ядерного оружия, в первую очередь тактического, а также в прозрачности процесса разоружения. Это, в свою очередь, ограничивает пространство для маневра государств, обладающих ядерным оружием. Поэтому Россия проявляет в этом плане меньше энтузиазма. В области гражданского использования ядерной энергии также имеются явные различия: Германия намерена отказаться от использования ядерной энергии, в то время как Россия стремится к его расширению. Там, где сферы мирного и военного использования ядерной энергии соприкасаются, неизбежно возникает напряженность. Этот момент – хотя и в разной мере – присутствует также в обоих нынешних центральных конфликтах.

Исходную ситуацию в Северной Корее **МЮЛЛЕР** охарактеризовал так: в 1965 году страна получила из СССР опытный реактор, в 1986 году она присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, в 1992 году заключила верификационное соглашение с МАГАТЭ, но вскоре Северную Корею уличили в предоставлении неверных сведений. В результате заключения в 1994 году рамочного соглашения с США конфликт, казалось бы, был исчерпан, была достигнута договоренность о поставке Северной Корее двух легководных реакторов. В 2002 году стало известно, что Северная Корея приобрела у Пакистана центрифуги для обогащения урана, нарушив тем самым соглашение. Затем она вышла из Договора о нераспространении, но другие его члены – из-за несоблюдения формальных требований – не признают этого выхода. В 2005 году правительство Северной Кореи, наконец, заявило, что обладает ядерным оружием и намерено осуществить его испытание. Одновременно были возобновлены

работы на опытной установке. Дипломатические усилия пока результатов не дали, в том числе потому, что США долго колебались, стоит ли идти на политические уступки, которых требовали корейцы. Вместо этого велась словесная война, в ходе которой Северную Корею причислили к «оси зла». Лишь в последнее время США, кажется, проявили готовность к тому, чтобы сделать осторожные предложения. Что касается шансов на разрешение конфликта, то **МЮЛЛЕР** оценил их пессимистично, поскольку наличие ядерного оружия – это единственный козырь Северной Кореи, в то время как речь, прежде всего, идет о сохранении режима. На его взгляд, эту проблему можно лишь ограничить, но не решить. Военные меры не ведут к достижению цели, и у США здесь пока нет четкой линии. ЕС в этом конфликте является скорее сторонним наблюдателем.

Что касается Ирана, то он, по мнению **МЮЛЛЕРА**, осуществляет две ядерных программы. Гражданскую программу сначала поддержала Германия, а затем Россия. С 1985 года Иран ведет необъявленные работы по обогащению и переработке ядерного топлива, их секретный характер является нарушением верификационного соглашения. После их выявления в 2002 году Иран, к тому же, весьма неохотно делился информацией. Так что до сих пор существуют сомнения в том, вся ли информация была открыта. Иран расположен в конфликтном регионе, и опыт взаимоотношений Ирана с США никак не назовешь позитивным: там еще свежи воспоминания о скрытых интервенциях, изоляции, несанкционированных нападениях и т.д. Поэтому военные круги склоняются к необходимости эффективного устрашения.

Владимир Орлов и Харальд Мюллер

В случае с Ираном дипломатические возможности, по мнению **МЮЛЛЕРА**, еще не исчерпаны. Германия, Великобритания и Франция уже более года пытаются склонить Иран к отказу от подобных действий, но он настаивает на обогащении урана, по крайней мере, в опытной установке, ссылаясь на свое право на мирное использование ядерной энергии. ЕС делает ставку на экономические и технологические стимулы, но основные политические решения остаются за США. Они, однако, демонстрируют непреклонность и идут лишь на незначительные уступки. Влиятельные представители американской администрации заинтересованы, прежде всего, в смене режима в Иране и исходят из того, что одновременно с этим будет решена и ядерная проблема. Россия как партнер Ирана в ядерной сфере занимает ключевую позицию. Хотя договоренность о возврате отработавших топливных элементов и устраняет угрозу, **МЮЛЛЕР** призвал Россию четко объяснить Ирану, где проходит граница

сотрудничества в ядерной сфере. Предстоит также выяснить, при каких условиях Россия и ЕС передадут этот вопрос на рассмотрение в Совет Безопасности ООН.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ указал в своем вступительном выступлении на то, что Северная Корея до сих пор не обладает ядерным оружием, а всего лишь приняла политическое решение о его производстве, которое она, правда, использует как средство политического давления. В то же время ситуация там серьезнее, чем в Иране. Важнейшими инструментами, по его мнению, являются финансовые стимулы и гарантии безопасности. Возможности России в этом плане очень ограничены. Она может оказывать влияние, например, через диалог между российскими и северокорейскими учеными-ядерщиками и оптимизацию миграционной политики. Переговоры зашли в тупик не в последнюю очередь потому, что США не выполнили своих обязательств. Тем не менее, успеха можно добиться, если США проявят большую гибкость, считает **ОРЛОВ**.

Россия непосредственно граничит не только с Северной Кореей, но и с Ираном. В то же время Иран в будущем может стать соседом ЕС. Иран в первую очередь занимается мирным использованием ядерной энергии, но здесь существуют возможности и для быстрой «переориентации». Иран, как и другие страны, не хочет быть отрезанным от технического прогресса. Что касается российской позиции, то статья IV Договора о нераспространении ядерного оружия разрешает сотрудничество между государствами в деле мирного использования ядерной энергии, то есть, в том числе и подобное сотрудничество между Ираном и Россией. Кооперация между ними в настоящий момент ограничивается строительством первого блока АЭС в порту Бушера, планируется также строительство еще семи блоков. Эти проекты не представляют собой угрозы, считает Орлов. Проблемы возникают прежде всего из-за вреда, который может быть нанесен имиджу России в мире. Официально Россия поддерживает стратегическое партнерство с Ираном, но оно страдает от недостатка доверия и к тому же пока не приносит экономической выгоды. Иран ведет двойную игру, ведя переговоры как с Россией, так и с ЕС. Поэтому, по мнению **ОРЛОВА**, необходимо сотрудничество между Россией и Евросоюзом. Надо осуществлять в Иране международные проекты, которые показали бы, что партнеры не намерены изолировать Иран от исследований в области ядерной энергии, но хотят при этом наладить строгий контроль.

Последующая дискуссия была посвящена интересам США и России, а также роли Израиля и шансам на создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. По мнению **ЭРНСТА-ЙОРГА ФОН ШТУДНИЦА**, главной целью политики США стала смена режимов. В аналогичном плане высказались также **ГЮНТЕР ЙОТЦЕ** и **ЭРНСТ-ОТТО ЧЕМПИЛЬ** – последний выдвинул в этой связи тезис о «выборочном нажиме». Это создает как для Северной Кореи, так и для Ирана немалые проблемы в плане существования их режимов и безопасности. Задача немецкой и российской дипломатии состоит в том, чтобы воздействовать на США в том плане, чтобы они отказались от военного давления. Иначе ядерное оружие становится для этих государств «последним средством». Г-н **НИКОНОВ**

возразил на это замечанием о том, что Северная Корея и Иран никакому другому государству не доверяют. Г-н **МЮЛЛЕР** высказал мнение о том, что в случае Северной Кореи решением действительно может быть смена тамошнего режима. Вероятность такой смены, однако, тем меньше, чем больше об этом говорят.

Различия между Северной Кореей и Ираном г-н **ЧЕМПИЛЬ** объясняет тем фактом, что Иран – это страна, сосед которой, Израиль, уже обладает ядерным оружием. **ДИТРИХ ШПЕРЛИНГ** изложил в этой связи возможный сценарий, по

которому Израиль, оснащенный полученным из США точным оружием, захочет с помощью военного удара предотвратить вооружение Ирана. Таковую возможность, по словам **МЮЛЛЕРА**, оживленно обсуждают в США. Существует, однако, консенсус в том плане, что не все цели можно надежно ликвидировать с помощью точного оружия, к тому же косвенный политический ущерб

может быть несоразмерно большим. Решением могло бы стать создание безъядерной зоны. Но это возможно лишь в долгосрочной перспективе, таким предложением будет трудно побудить Иран к отказу от его планов. Г-н **ОРЛОВ** высказал в этой связи сомнение в том, что Израиль когда-либо откажется от своего оружия, так что к перспективе создания такой зоны вряд ли можно отнестись серьезно.

Критику в отношении роли России в иранской ядерной программе высказали **НИКОЛАС БУССЕ** и **ХАННЕС АДОМАЙТ**. По их мнению, поставка реакторного блока в Бушер представляет собой проблематичный аванс, а политическое руководство России до сих пор не хотело потребовать от Ирана отказа от обогащения урана. Но именно это и является целью европейцев. Сотрудничество России с Ираном уже потому создает проблемы, что нельзя проверить, не помогают ли российские специалисты Ирану в осуществлении секретных военных программ. Это также не способствует реализации европейской стратегии. На это **ОРЛОВ** возразил, что другие страны и фирмы тоже поставляли оборудование Ирану, но теперь все указывают на Россию.

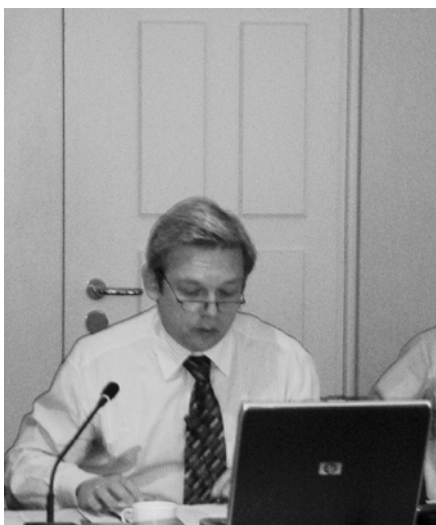
Инвестиционная и энергетическая безопасность. Дело «ЮКОСа» и его последствия

«Благо или беда?» Является ли богатство ресурсами проклятием или благом для экономического развития и укрепления демократии в стране? Этот вопрос стоял в

центре внимания, когда шла дискуссия о последствиях дела «ЮКОСа». Что касается сотрудничества между Россией и Европейским Союзом в области снабжения энергоносителями, то непосредственного влияния отмечено не было. Иначе обстоит дело с безопасностью инвестиций – здесь высказывались намного более противоречивые мнения. По-разному оценивались и политические сигналы, исходившие от конфликта вокруг крупнейшего российского нефтяного концерна и его владельцев. Панель началась с двух вводных докладов.

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК подчеркнул, что Россия и ЕС успешно сотрудничают в энергетическом секторе. Предпосылками энергетической безопасности являются стабильное, дешевое и экологичное производство энергии, а также стабильность цен и поставок. Что касается поставок российского газа в Европу, то оно имеет следующие особенности: долгосрочные договоры, предусматривающие оплату живыми деньгами, продажа газа на границе ЕС, «destination clauses», а также ключевая роль транзита газа. Этим обусловлены следующие проблемы: во-первых, ЕС отказывается подписывать дальнейшие долгосрочные договоры. Но долгосрочные договоры необходимы, чтобы обеспечить риски капиталоемких проектов по добыче нефти и газа в районах с отсутствующей или слабой инфраструктурой. Исходя из этого, Европейская Комиссия недавно согласилась сохранить эту форму договоров для снабжения государств-членов ЕС. Во-вторых, конечные пункты поставок, которые раньше находились на границе ЕС или вне его, после расширения теперь находятся на территории Евросоюза. В связи с этим возникает вопрос о доступе к трубопроводам, находящимся в собственности России. Так что до заключения новых долгосрочных договоров необходимо решить проблему условий для доступа третьих лиц к расположенным на территории ЕС российским трубопроводам. В ближайшем будущем, однако, вряд ли можно ожидать удовлетворительного решения этой проблемы.

Что касается дела «ЮКОСа», то **КОНОПЛЯНИК** подчеркнул, что многочисленные предприятия различных отраслей в ходе приватизации применяли противоправные методы, нарушали права мелких акционеров и налоговое

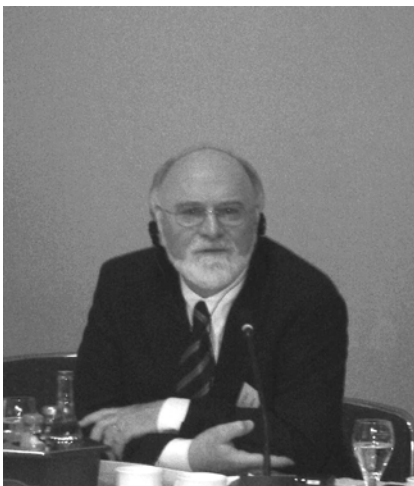

Андрей Конопляник

законодательство. В отношении «ЮКОСа» следует, однако, принять во внимание следующие особенности: «ЮКОС» выступал против Соглашения о разделе продукции (СРП), чтобы убрать конкурентов и затем диктовать цены. Кроме того, эта фирма пыталась оказать массированное влияние на голосования в Государственной думе, не в последнюю очередь следует указать и на политические амбиции Ходорковского. Тем самым он нарушил негласное соглашение между правительством и бизнес-элитой о ее невмешательстве в политику. В то же время в деле «ЮКОСа» отразилась конкурентная борьба и попытка не допустить западных

инвесторов на территорию России. Хотя экономические аргументы обвинения достаточно вески, речь идет все-таки о политическом процессе, и арест Ходорковского продемонстрировал слабость и недальновидность российского правительства. Российскому государству следовало бы иначе отреагировать на действия «ЮКОСа», считает **КОНОПЛЯНИК**. Что же касается последствий для безопасности инвестиций, то здесь нужно проводить различие между стратегическими инвесторами, заинтересованными в долгосрочных капиталовложениях, и портфельными инвесторами. Последние, конечно, остаются в убытке. Но для стратегических инвесторов ущерб скорее минимален, поскольку существуют возможности для того, чтобы и в будущем предлагать зарубежным инвесторам интересные проекты сотрудничества.

ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ вначале отметил, что Европейский Союз, конечно, заинтересован в надежных поставках энергоносителей. Но энергетическая безопасность состоит в первую очередь не в том, чтобы заключать хорошие сделки с Российской Федерацией, она предполагает диверсификацию источников энергии. Спрос на мировых рынках энергоносителей в настоящее время определяют Индия и Китай, что способствует росту цен, но отнюдь не означает, что энергоснабжение в целом стало ненадежным. Ведь, в конечном счете, продавцы тоже зависят от продаж: для стран, экспортирующих энергоносители, характерен большой объем импорта, который они могут обеспечить лишь при высоких ценах на энергию.

Вольфрам Шреттль

В этой связи г-н **ШРЕТТЛЬ** сформулировал тезис о том, что распад СССР неотделим от вопроса энергоснабжения, поскольку после его распада большая часть ресурсов оказалась не территории Российской Федерации. Впоследствии поставки энергоносителей странам СНГ были сокращены и цены на них в целом повышены. По мнению **ШРЕТТЛЯ** из этого можно сделать вывод о том, что «величайшая геостратегическая катастрофа» – по крайней мере, частично – была вызвана самой Россией, чтобы получить экономическую выгоду. Нельзя также упускать из виду, что характер политических режимов часто зависит от наличия ресурсов: богатые энергоресурсами государства имеют склонность к авторитаризму. После распада Советского Союза Россия стала в этом плане «естественным кандидатом», считает **ШРЕТТЛЬ**. Для богатых энергоресурсами государств характерна также тенденция к распаду. Здесь просматривается еще одна взаимосвязь с авторитаризмом, поскольку единство государства сохраняется с помощью авторитарных средств – так, одним из важнейших приоритетов России является сохранение территориальной целостности.

Остановившись на деле «ЮКОСа», г-н **ШРЕТТЛЬ**, в отличие от **КОНОПЛЯНИКА**, констатировал рост недоверия со стороны зарубежных и российских инвесторов. Это, правда, в меньшей мере относится к сектору энергетики, поскольку нефть и газ обычно добывают в нестабильных странах, таких как Нигерия или Венесуэла, так что для зарубежных партнеров подобные проблемы привычны. Кроме того, в плане своего энергоснабжения Европа даже может выиграть, поскольку Ходорковский хотел сосредоточиться на американском рынке и проложить нефтепровод в Китай. В краткосрочном плане произошло снижение как объема добычи нефти, так и доверия со стороны инвесторов, но в среднесрочной перспективе ситуация успокоится. Характеризуя положение в целом, **ШРЕТТЛЬ** назвал «ЮКОС» типичным «родовым дефектом» российской рыночной экономики. Любое решение этой проблемы было бы неаппетитным – и экспроприация, и попустительство. В то же время это дело можно расценить как проверку дееспособности российского государства и его готовности усваивать европейские ценности.

В ходе дискуссии **РУСЛАН ГРИНБЕРГ** высказал свое решительное несогласие с тезисом, что энергетическая мощь России оказывает влияние на ее политическую систему, и что Россия получила преимущества за счет распада СССР. Ситуация скорее такова, что Россия до сих пор субсидирует Белоруссию и Украину за счет дешевых поставок энергоносителей. **ХАННЕС АДОМАЙТ** не согласился с утверждением, что для богатых энергоносителями государств характерна тенденция к распаду. Не его взгляд, Советский Союз распался в первую очередь из-за политических разногласий между Горбачевым и Ельциным. **ПЕТЕР В. ШУЛЬЦЕ** заметил, что можно сделать и обратный вывод. Зарубежные инвесторы могут использовать разногласия, существующие в стране, и только сильное государство, обладающее государственными традициями, может этому воспрепятствовать. Г-н **ГРИНБЕРГ** констатировал, что в настоящее время в России наблюдается переход от олигархического к бюрократическому капитализму. Из-за слабости государства иначе было бы невозможно сдержать усиление олигархических тенденций. Завершая эту часть дискуссии, г-н **ШРЕТТЛЬ** подчеркнул, что монокаузального объяснения, разумеется, не существует, но экономические интересы играют немаловажную роль при создании и распаде государств, а также влияют на характер политической системы.

Возвращаясь к последствиям дела «ЮКОСа», **ВЛАДИМИР РЫЖКОВ** констатировал, что сократился не только объем добычи нефти, но и темп роста инвестиций – на целых 70 процентов. В мнимых грехах «ЮКОСа» можно было бы обвинить все нефтяные фирмы, а то, что Ходорковский хотел стать президентом, **РЫЖКОВ** отнес в сферу кремлевских легенд. У «ЮКОСа» была высокая капитализация, он вводил в строй новые производства. Кроме того, эта фирма обеспечивала пять процентов доходов федерального бюджета. Косвенный ущерб за счет уничтожения капитала и парализации биржи он оценил в 100 миллиардов долларов США.

Вячеслав Никонов в ответ на это отметил, что трое олигархов – Березовский, Гусинский и Ходорковский – явно нарушили неписаное правило: не вмешиваться в политику федерации. Ходорковский не только поддерживал определенных кандидатов и партии во время выборов в Государственную Думу, но и сам имел президентские амбиции. Тот факт, что его осудили не за реальные «грехи», а за другие правонарушения – замечание **РОЛАНДА ГЁТЦА** – не столь важен; Аль-Капоне ведь тоже посадили не за его реальные преступления, считает **НИКОНОВ**.

Вячеслав Никонов

По мнению **ПЕТЕРА В. ШУЛЬЦЕ**, Россия проводит весьма рациональную энергетическую политику, стремясь к диверсификации поставок и избегая тем самым зависимости от одного потребителя. Что касается дела «ЮКОСа», то он обратил внимание на растущее число немецких инвесторов в России, в том числе малых и средних предприятий. Рейтинг России как «most promising emerging market» также повышается. Поэтому он видит определенную асимметрию между образом России в глазах общественности, который – при содействии российской критики – воспроизводит самое себя, и экономической реальностью. В этой связи **ЮРГЕН**

МЁПЕРТ, исходя из собственного опыта работы в России, рассказал о кооперации между концернами «БАСФ» и «Газпром» и продемонстрировал наглядные материалы, позволившие вернуться к теме энергетической безопасности. Речь при этом шла прежде всего о разработке месторождений в Баренцевом море. Совместное предприятие «ВинГаз» занимается реализацией природного газа, в нем на паритетной основе представлены оба партнера. Новая тенденция состоит в том, что кооперация сейчас охватывает всю производственную цепочку от добычи до городских газовых систем, опираясь при этом на долгосрочные договоры. За счет этого учитываются легитимные интересы производителей в самом начале цепочки. Такой подход способствовал тому, что российские производители больше заинтересованы в поставках газа в Европу, чем в Индию или Китай.

В тени 11 сентября: Двойные стандарты и перспективы совместной борьбы с терроризмом

В своих выступлениях и в ходе дискуссии участники последней панели прежде всего попытались дать определение терроризму, а также оценить роль России в борьбе с террором и в разрешении конфликтов в ее непосредственном соседстве. Панель началась с четырех вводных выступлений.

СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ отметил, что борьба с терроризмом является одним из приоритетов России, хотя Путин особо не затронул эту тему в своем выступлении перед Федеральным Собранием. Для России терроризм – это прежде всего следствие угроз на ее южных границах, обусловленных, в частности, исламом. В этой связи он указал на нестабильность региона, простирающегося от Пакистана и Казахстана вплоть до Магриба. Для этого богатого энергоносителями региона характерна историческая память о былом культурном превосходстве над Западом. Речь идет преимущественно о «failed states», которым не удалось приспособиться к условиям глобализации. Но для самой России терроризм связан с вопросом сепаратизма, считает **КАРАГАНОВ**. Для ЕС эта тема стоит не столь остро, поскольку она не угрожает территориальной целостности его государств-членов. В отличие от России, Европа уже прошла фазу сепаратизма и формирования национальных государств. Поскольку мы живем в различных исторических эпохах, для которых характерны специфические вызовы и ценности, то можно понять и возникновение «двойных стандартов».

В ЕС сложилась культура постнационализма и отрицания прямого применения силы. Западная Европа не признает того факта, что Россия обеспечила охрану

Сергей Караганов

чеченской границы, хотя это важно с учетом маршрутов наркоторговли. Чечня представляет собой гнездо международного терроризма. Да, Россия применяла ужасные методы, но она – единственная страна в Европе, которая смогла быстро прекратить или заморозить кровавые конфликты – такие как в Приднестровье, Абхазии, Нагорном Карабахе и Южной Осетии. Они потребовали от нее больших жертв. И, несмотря на все ошибки, совершенные в Чечне, в четырех других точках в этом ее упрекнуть нельзя. К сожалению, некоторые западные страны – прежде всего США – оказывают в этой связи давление, чтобы добиться уступок в других сферах (например, в торговле и по вопросу вступления в ВТО). В то же время они последовательно поддерживают

США в Ираке, поскольку он является точкой притяжения для «террористического интернационала», считает **КАРАГАНОВ**.

Говоря о создании системы общей безопасности, **СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ** посетовал на то, что ведутся только общие дискуссии, имеются только отдельные элементы, но реально такая система не создана. Он предположил, что Европа сейчас не заинтересована в том, чтобы интегрировать Россию в общую систему безопасности. В каких рамках может идти сотрудничество? Одним из вариантов могло бы быть превращение НАТО из военно-политического в политико-военный альянс. До сих пор НАТО проводила расширение только за счет «потребителей безопасности». Россия же является производителем безопасности. В обновленную НАТО, которая действительно займется отражением угроз, могла бы войти и Россия.

РУДОЛЬФ ШАРПИНГ в своем вступительном выступлении высказал тезис, что в деле борьбы с терроризмом имеется много общего; что касается реальной угрозы, то здесь нет никаких различий. Поскольку исламский мир является большим резервуаром терроризма, то рост населения и неясные перспективы скорее увеличат, чем уменьшат риски. Необходимость традиционной политики безопасности сохраняется, ее нужно совершенствовать. Но ее недостаточно, если мы хотим добраться до корней терроризма. В этом плане Германия занимает «симпатическую позицию», окружая себя защитной зоной благотворительности. Позиция США, наверное, более реалистична.

В НАТО нет политического консенсуса в том плане, что нужно создавать потенциал для борьбы с причинами кризисов. Ведется интенсивный диалог по этой теме, а также о механизмах согласования действий. **ШАРПИНГ** заявил, что он против выдвижения новых концепций альянса. Сначала необходимо четко определить основу и стратегию сотрудничества. Что касается ЕС, то в нем много говорят о политике безопасности, в то же время ренационализация внешней политики и внешнеполитических интересов идет быстрее, чем обратный процесс интеграции в этой сфере политики, считает **РУДОЛЬФ ШАРПИНГ**.

Рудольф Шарпинг

ВЛАДИМИР ЛУКИН посвятил свое вступление прежде всего вопросу о том, как следует определить понятие терроризма. По его мнению, следует различать мотивацию и средства терроризма. **ЛУКИН** предложил пренебречь аспектом – возможно, и легитимной – мотивации и вместо этого рассматривать терроризм как несоизмеримый метод решения политических проблем. Существует также проблема «терроризма катастроф», возникающая в результате стремительного распространения высоких технологий, которые просты в применении и становятся доступными все большему кругу людей. По мнению **ЛУКИНА**, вопрос не в том, реальна ли угроза «терроризма катастроф», а только в том, когда он

начнется. С учетом этого реакция государств и общественности отстает от требований дня.

Еще одна проблема состоит во взаимном доверии. Начиная с 2001 года сотрудничество между США, Россией и ЕС заметно улучшилось. В настоящее время, однако, его уровень снова снижается – частично из-за Ирака. Обмен информацией между Россией и ЕС имеет, к сожалению, односторонний характер. В то время как Россия предоставляет информацию, от ЕС она получает мало или ничего. По мнению г-на **ЛУКИНА**, разногласия в этой области не в последнюю очередь обусловлены разными подходами к проблеме терроризма и недостаточным разграничением между характером действий и мотивами террористов.

ВЕРА ЛЕНГСФЕЛЬД считает, что позиция людей, которые считают, что бедность стимулирует терроризм, лишена достаточных оснований. Его основной источник – это тоталитарное мышление, которое необходимо изучить, чтобы успешнее бороться с терроризмом. В событиях 11 сентября не было «элемента справедливости», скорее в них присутствовал тоталитарный элемент, элемент борьбы за власть и мировое господство. После 90-х годов XX века характер терроризма изменился. Сегодня цель террористов состоит уже не в том, чтобы устранить определенных политических деятелей, теракты теперь направлены против масс гражданского населения.

Россия могла бы играть важную роль в борьбе с терроризмом, считает **ЛЕНГСФЕЛЬД**. Она находится в особо опасном положении, поскольку арена террора, Чечня, находится внутри страны. При этом российская армия сталкивается в Чечне с многочисленными проблемами: слишком маленькое или не выплачиваемое денежное довольствие, нечеткость приказов, торговля оружием, коррупция. Применяемые ею методы также нельзя одобрить. Разумеется, с терроризмом необходимо последовательно бороться, в том числе военными методами, но при этом не должно страдать гражданское население. Нельзя также применять средства, к которым прибегают сами террористы. Поддержка России не означает, что мы должны отказаться от критики. Это относится и к событиям в московском театре «Норд-Ост», и к взятию заложников в Беслане. Провал в борьбе с терроризмом будет означать неудачу в защите тех ценностей, которые делают Европу столь привлекательной, считает **ВЕРА ЛЕНГСФЕЛЬД**.

Интенсивная дискуссия завязалась по вопросу определения терроризма. **ЭГБЕРТ**

Вера Ленгсфельд

ЯН охарактеризовал терроризм как эвфемизм, которым обозначают противоправное использование насилия и который в этой форме используется только последние 10-12 лет. В исторической ретроспективе все проблемы, связанные с терроризмом, разрешались только политическими методами. **КАРА ГРОБЕ-ХАГЕЛЬ** спросил о том, где пролегает граница между

действиями государства и государственным терроризмом. И какими средствами можно бороться с терроризмом, если не заниматься его причинами, а ограничиваться лишь симптомами? **МАТТЕС БУБЕ** также указал на то, что в определение необходимо включить и субъект террора, поскольку террор исходит не только от негосударственных акторов, как показывают акции Ирака или Турции против курдов. **ФОН ШТУДНИЦ** выразил сомнение в том, что разграничение между средствами и мотивами имеет смысл. Если рассматривать средства, то нужно включать сюда и государственный терроризм. Следует договориться о запрете определенных средств. Когда же речь идет о решении проблемы терроризма, то необходимо рассматривать его мотивы.

РУДОЛЬФ ШАРПИНГ высказался за то, чтобы вывести государственный терроризм за скобки, потому что иначе нельзя будет достичь согласия. Для терроризма характерно сочетание современной техники и средневекового мышления, то есть мышления, существовавшего до демократии и эпохи Просвещения. Цель террористов состоит в том, чтобы вызвать как можно больше жертв и причинить максимальный ущерб. Кроме того, для своих акций террористы выбирают прежде всего символические места. Со времен Вестфальского мира имеет место огосударствление насилия, для которого внутри страны характерны монополия на насилие и мирное разрешение конфликтов, а во внешнем измерении – монополия на ведение войны. Терроризм целенаправленно подрывает и то, и другое.

На это **ГЮНТЕР ЙОТЦЕ** возразил, что было бы явной ошибкой называть подавление любого восстания борьбой с террором. Надо обязательно учитывать принцип соразмерности средств. Надо рассматривать среду, порождающую терроризм, но условия, лежащие в его основе, – это не то же самое, что мотивы и цели. От включения государственного терроризма в дефиницию гуманитарные аспекты никак не выигрывают. Случаи государственного терроризма в достаточной мере описаны в законодательстве, существуют соответствующие правовые инструменты – например, Гаагские правила ведения сухопутной войны. С этим тезисом согласился **ВИЛЬГЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ**. Поэтому с террористами борются не армейские части, а полиция. Это правильно, ведь, размывая грань между военной и гражданской администрацией, мы бы поставили под вопрос собственную Конституцию и международное право. Американская доктрина, согласно которой терроризм – это «враг государств во всем мире», дает зеленый свет такому размыванию. Отталкиваясь от результатов дискуссии, **КАРАГАНОВ** предложил определить как терроризм применение любого насилия против X или Y с политическими целями. Это предполагает, однако, отказ от поддержки национально-освободительной борьбы и сепаратизма.

Второй главной темой дискуссии была роль России в «замороженных» конфликтах на ее периферии. **ХАННЕС АДОМАЙТ** подчеркнул, что вопреки официальным заявлениям российских представителей ситуацию в Чечне не удалось ни стабилизировать, ни умиротворить. Ненависть и насилие вспыхивают вновь и вновь. Глубинная проблема и обусловленные ею угрозы не устранены. Г-

и **ЛУКИН** согласился с тем, что в Чечне в значительном масштабе нарушаются права человека, но в то же время отметил, что защита этих прав подвержена политизации и конъюнктуре. Он выступил также за то, чтобы предложить переговоры тем сепаратистам, которые не участвовали в вооруженных акциях. **УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ** не согласился с **КАРАГАНОВЫМ** в том, что ЕС якобы игнорирует тот факт, что Россия «решила» проблемы в Нагорном Карабахе, Приднестровье и других регионах. По его мнению, здесь скорее возникает вопрос о том, какие конфликты были действительно разрешены. В Абхазии 90 процентов населения имеют российские паспорта, а в Приднестровье благодаря присутствию российских войск возник постсоветский «парк Юрского периода».

ДИТРИХ ШПЕРЛИНГ констатировал, что упреки в терроризме являются частью политической игры. На окраинах бывшего Советского Союза они служат аккомпанементом борьбы за сферы влияния, которую там ведут США и Россия. Он указал на преимущество российской истории в отношении народов Кавказа. Обращение царского режима с чеченцами, черкесами и абхазами свидетельствует о попрании их права на самоопределение. В СССР при Сталине и Берии также осуществлялись программы выселения народов.

ХАЙНЦ ТИММЕРМАНН, аналогично **БРАНДЕНБУРГУ**, критиковал Россию за то, что она не допускает органы ЕС – например, ЕПБО (ESVP, Европейская политика безопасности и обороны) – к участию в разрешении замороженных конфликтов, например, в Приднестровье. ЕПБО имеет не только военный, но и гражданский компонент, который можно было бы использовать в целях восстановления экономики и укрепления доверия. На это **ШАРПИНГ** ответил, что это разрушило бы гражданские силы (которые в реальности еще не существуют), поскольку такой проект был бы обречен на неудачу из-за отсутствия достаточного потенциала. **КАРАГАНОВ** отметил, что ЕС уже в Боснии-Герцеговине продемонстрировал дефицит политической воли и не обладает хорошей репутацией. Если мы действительно говорим о партнерстве, то кооперация имеет смысл. На данном же этапе возникает подозрение, что Европа прежде всего хочет испытать свою дееспособность, а это вызывает немалый скепсис.

Завершая встречу, **МАТТЕС БУБЕ** отметил, что сомнения, высказанные в отношении дальнейшего позитивного развития российско-германских отношений, не оправданы. Эти отношения не находятся на распутье, говорить о том, что можно было бы выбирать между сотрудничеством и конфронтацией или между интересами и ценностями, не приходится. **ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ** в принципе согласился с этой позицией, заметив при этом, правда, что в дискуссиях присутствовала определенная асимметрия: критика была обращена преимущественно в адрес России. Он предложил выбрать для IX Шлангенбаских бесед в 2006 году темы, которые в большей мере затрагивали бы Германию и Запад.